

ЧЕЛОВЕК ВОПРОШАЮЩИЙ В РОМАНЕ МИХАИЛА ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

Юлия Михайловна Брюханова

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой новейшей русской литературы Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

e-mail: okt28@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4675-9077

Аннотация. Образ человека, находящегося в познавательном поиске и выражающего себя в вопросах и вопрошаниях, нередко оказывается в центре писательского внимания и реализуется в художественных произведениях. Однако в литературоведении пока не разработана система теоретических принципов анализа феномена вопрошания. Отдельные работы подобной тематики ориентируются на лингвистические или философские исследования. Объектом изучения в данной статье становится роман Михаила Шишкина «Письмовник», на примере которого демонстрируются методологические принципы раскрытия образа «человек вопрошающий». Базируясь на монографии И.И. Плехановой «Вопросы и вопрошание в лирической рефлексии», мы переносим основные методологические этапы на прозаический текст: 1) разграничиваем вопрос как модальность высказывания и вопрошание как духовную интенцию, 2) определяем функции вопросов и вопрошаний, 3) характеризуем субъект-субъектные связи в процессе вопрошающей коммуникации. На содержательном уровне в романе вопросы актуализируются в познавательной функции неразрешимых вопросов, а поиск и утверждение смысла реализуются по-разному в зависимости от субъект-субъектных отношений, которые представлены в «Письмовнике» не в реалистически детерминированном виде. Позиции коммуникантов (вопрошающего и отвечающего) постоянно меняются или совмещаются. В результате «процесс вопрошания» выходит за рамки коммуникативной стратегии и трансформируется в рефлексивный поиск себя. Поэтапный анализ дает основание говорить об особом виде антропоцентрической модели мира в романе М. Шишкина, когда центральным значимым элементом оказывается «маленький человек», через вопрошание не открывающий тайны бытия ради гносеологической полноты существования, а ищущий близкий и понятный путь постижения небытия, тем самым преодолевая извечный страх смерти.

Ключевые слова: Михаил Шишкин, вопрос, вопрошание, образ человека, субъект вопрошания, познавательная функция вопроса

Понятия «вопрос», «вопрошание», «теория вопрошания» трактуются в широком семантическом диапазоне и имеют интерпретации в философии, психологии, педагогике, лингвистике, литературоведении и других научных дисциплинах.

Непосредственно вопросы, вопросительные конструкции, выраженные языковыми средствами, их функции и художественная специфика являются объектом изучения лингвистики. Философия сосредоточивает свое внимание на теории вопрошания.

Одна из обобщенных классификаций вопрошаний в философии демонстрирует два типа: доличностное (внеличностное) и личностное вопрошание [Розин 2018]. Первое характерно для детей, а также «для взрослых, действующих, однако, не как личности (как правило, такое вопрошание представляет собой разрешение проблемной ситуации за счет обращения к другому, авторитетному лицу)» [Там же]. Другой – личностный тип вопрошания – предполагает поиск ответа личностью самостоятельно. Кроме того, «в этом случае вопрошающий нередко не только хочет получить ответ в смысле разрешения своей проблемы, но использует отвечающего в плане помощи или отклика на свои переживания» [Там же].

В этом смысле любое художественное произведение суть воплощение личностного типа вопрошания, так как значимый элемент содержательной структуры текста – пробле-

ма – представляет собой требующий разрешения вопрос. Следовательно, литература может рассматриваться наравне с такими историческими практиками вопрошания, как религиозные и эзотерические практики, политика, философия, практика споров, педагогика, научное исследование и некоторые другие, с учетом, безусловно, определенной специфики.

Предметом изучения в этой статье становится образ человека, находящегося в познавательном поиске, что выражается в художественном произведении через вопросы и вопрошания. Стремление наметить методологические принципы анализа обозначенного предмета объясняет выбор отдельного художественного текста как объекта исследования. В данном случае это роман Михаила Шишкина «Письмовник».

«Письмовник» опубликован в 2010 г. и считается знаковым произведением М. Шишкина наряду со «Взятием Измаила» и «Венериным волосом». Все три романа можно рассматривать как литературный триптих, несмотря на разные сюжетные линии, системы персонажей и художественные образы. Их объединяет идея борьбы – борьбы со временем, конечностью жизни, забвением. Главные вопросы о жизни и смерти в каждом из романов писатель решает по-новому. Если во «Взятии Измаила» смерть – это враг, то в «Письмовнике» передано другое понимание: «Смерть – это не враг. Это

дар, это великое счастье. Особенно смерть близких людей, которых ты любишь. Дар, который помогает тебе понять, кто ты, зачем ты здесь, что задумано тобой, твоим появлением на свет» [«Писатель должен ощутить всеисилие...»]. Неслучайно общение главных героев, Володи и Саши, прорывается сквозь ткань времени и существует вопреки препятствиям пространства и смерти. Переписка двух людей, не имевших никакой возможности соединиться в реальной действительности, осуществляется в слове и обретает силу благодаря любви.

Хотя в каждом своем романе М. Шишкин дает определенные ответы на онтологически и экзистенциально значимые вопросы, процесс вопрошания не прекращается. Отсюда новые попытки переосмысления ответов, выраженные в художественном слове. Динамика вопрошания находит выражение как в содержательном, так и в формальном поле текста, что дает нам возможность обратиться к намеченной проблеме.

Надо отметить, что в литературоведении не разработана собственная система теоретических принципов рассмотрения феномена вопрошания, однако есть отдельные работы, в которых изучается образ человека вопрошающего в системе персонажей, роль вопрошания в формулировании авторской позиции, функция вопроса как риторической фигуры и т. д. Методологически в своих исследованиях авторы ориентируются

либо на лингвистические концепции, либо на философские (см.: [Балашова; Иванов; и др.]).

Отдельно стоит сказать об употреблении термина «стихия вопрошания». Не в широком метафорическом аспекте, а в терминологическом значении он используется А.П. Власкиным, изучающим творчество Ф.М. Достоевского. Вопрошание в его понимании соотносится с понятием диалогизма у М.М. Бахтина. И то и другое литературоведом рассматривается как универсалии художественного мира Ф.М. Достоевского [Власкин 2002; Власкин 2003].

Вслед за А.П. Власкиным разработку понятия «стихия вопрошания» продолжила Д.С. Бужинская на примере творчества Л.Н. Толстого (««Стихия вопрошания» в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”» [Бужинская]) и А.Ф. Конюхов («Стихия вопрошания в романе Ф.М. Достоевского “Подросток”» [Конюхов]).

Если кратко обозначить основные характеристики, выделяемые в этих работах, то к объекту изучения как таковому, помимо универсального значения вопрошания, будет отнесен вопрос в качестве синонима темы, проблемы или предмета изображения. Учитываются также языковые формы выражения вопроса. Но более значим для понятия «стихия вопрошания» оказывается вопрос как сомнение и поиск, элемент становления (персонажа или самого автора).

При рассмотрении романа М. Шишкина «Письмовник» мы берем за методологическую основу работу И.И. Плехановой «Вопросы и вопрошание в лирической рефлексии» [Плеханова]. Несмотря на то, что объект рассмотрения исследователя – это лирические тексты, сама теоретическая база может применяться в литературоведческом анализе произведений разных литературных родов.

Методология выстраивается из трех этапов. Во-первых, это различие вопроса как модальности высказывания и вопрошания как духовной интенции. Во-вторых, это определение функций вопросов и функций вопрошания. И, в-третьих, это выяснение субъекта вопрошания и его адресата. На наш взгляд, эти этапы могут идти как последовательно, так и параллельно. Кратко обозначим первые два пункта и, в силу специфики романа М. Шишкина, сосредоточимся на анализе субъекта вопрошания.

Различие вопроса и вопрошания

Вопрос как языковая конструкция – лишь один из возможных вариантов знакового обозначения вопрошания. Известно, что «сама по себе вопросительная конструкция фразы еще не показатель познавательной активности, она может быть обусловлена эстетикой экспрессии или суггестивными целями» [Там же: 4].

Очевидна разница между вопросом «Который час?» и «Какое, милые, у нас тысячелетье

на дворе?» (Б. Пастернак «Про эти стихи»). Вопрос может содержать в себе вопрошание, но не обязательно. Верно и обратное: вопрошание может воплощаться в вопросительной форме, но это не единственная возможность экспликации. Поэтому количественный подсчет вопросительных конструкций в произведении не может дать никаких оснований для вывода о познавательной активности ни отдельного персонажа, ни тем более самого автора.

Тем не менее, стоит отметить, что в романе М. Шишкина «Письмовник» около 660 вопросов, выраженных синтаксически. Мы не задавались целью анализировать каждую конструкцию, но очевидно, что доля вопросов, имеющих просто коммуникативную или этикетную для эпистолярного жанра функцию, меньше, чем доля вопросов, свидетельствующих о стремлении к познанию. Произведение можно интерпретировать как «квазидокументальный эпистолярный роман» [Абашева: 118], псевдопереписку (иллюзорную переписку) двух людей, как аллюзию-игру на сборник образцов посланий, т. е. частный письмовник (к чему отсылает название романа), или как интертекстуальный коллаж. Важно то, что при любой трактовке у нас нет возможности выделить четкие (с точки зрения времени и пространства) границы субъектов – адресата и адресанта. Поэтому структура текста задает трансформацию функций вопросов и вопрошаний.

Функции вопросов и функции вопрошаний

И.И. Плеханова пишет о том, что функции вопросов можно сгруппировать относительно доминирующего потенциала этих вопросов – либо познавательного, либо формообразующего.

Преобладающая формообразующая функция характеризует коммуникативный (нацеленный на получение ответа), сюжетонаправляющий, живописный¹ вопросы. В то время как преобладающая познавательная функция (связана с поиском или утверждением смысла) проявляется в риторическом, наводящем, неразрешимом вопросах. Функции могут совмещаться, пересекаться, они не замкнуты в себе.

При рассмотрении романа «Письмовник» мы остановимся на функциях вопросов, наиболее значимых с точки зрения построения художественного пространства, не оговаривая менее существенные примеры.

Обратимся к роману.

Вопросы Володи и Саши, зафиксированные в их посланиях, как например: «Угадай, где я сейчас?» [Шишкин: 63], «Как ты там? Что с тобой?» [Там же: 114, 150, 262] – в традиционном реалистическом дискурсе должны выполнять прежде всего коммуника-

тивную функцию. Однако нацеленность на получение ответа утрачивается в тексте, что связано с особым типом нарративной структуры.

Как отмечает Г. Нефагина, «в отличие от эпистолярия, в котором доминирует диалогическая организация текстов, когда письмо адресата содержит ответ, комментарий, словом, реакцию на письмо адресанта, когда образуется своеобразная смысло-временная цепь писем, в *Письмовнике* ответы-комментарии как единицы общения разнесены во времени» [Нефагина: 205]. С традиционно-реалистической точки зрения, эпистолярный жанр в «Письмовнике» компрометирует себя, поскольку нарушаются логические связи на уровне системы персонажей: каким образом может продолжаться переписка, если один из героев погиб?

Простые, казалось бы, вопросы освобождаются от коммуникативной функции и обретают, с одной стороны, функцию сюжетонаправляющую (поскольку почти в каждом письме актуализируется, где находится герой и что с ним происходит), а с другой – переходят в разряд познавательных вопросов.

Оба героя романа пытаются определить свое место в мире, свои границы. Володя не единожды задает вопрос «Кто я?» [Шишкин:

¹ Выделение собственно живописных по функции вопросов обусловлено их отнюдь не вопросительным, а описательным, красноречиво-информационным содержанием» [Плеханова: 119]. Вопросительная интонация таких конструкций близка интонации восклицания.

15, 165, 275]. И в какой-то момент ему кажется, что он нашел ответ: «На вопрос *кто я?* ответа не существует, потому что нельзя знать ответ на этот вопрос, можно только быть им» [Там же: 219–220]. Однако сюжетный поворот обнуляет догадку и заставляет возвращаться к вопросу по-новому. И так происходит всегда: жизнь – это постоянный процесс вопрошания, который, как оказывается, не прерывается и после смерти. Следовательно, на содержательном уровне вопросы актуализируются в познавательной функции неразрешимых вопросов. Но поиск и утверждение смысла реализуются по-разному в зависимости от субъект-субъектных отношений.

Субъект вопрошания и его адресат

«Очевидна разница между вопросительной формой фразы и вопрошанием – как между модальностью высказывания и поиском смысла в ситуации неопределенности, неведения или духовной растерянности. Вопрос – образ высказывания, и он может быть риторическим, т. е. несущим в себе ответ-утверждение, но может, оставаясь безответным, менять видение мира. Вопрос предполагает коммуникацию, но сам вопрошающий, взывая к ответу, обращен вовне и к себе одновременно, это, по сути, автокоммуникация, поскольку собственное сознание, требуя ответа, остается основой для всего – поиска, сомнения, дерзости, вызова, надежды... Вопрошание перед лицом полной неизвестности требует особого мужества –

способности остаться наедине с безответностью» [Плеханова: 28].

Это замечание позволяет интерпретировать «ситуацию вопрошания» и «процесс вопрошания» (см.: [Розин]) в романе «Письмовник».

В «ситуации вопрошания» определяются позиции коммуникантов: вопрошающего и отвечающего. В повествовательной ткани романа Володя и Саша совмещают эти позиции: спрашивая другого, они в то же время обращаются к себе. Соответственно, «процесс вопрошания», который передает протекание процесса коммуникации, выходит за рамки коммуникативной стратегии и становится авторефлексивным поиском себя.

На что или на кого можно опираться в этом поиске? В чем человек ищет опоры? Где пытается найти ответы?

Для ребенка авторитетом могут являться родители. Так, Володя вспоминает: «Мама часто рассказывала, как я, пятилетний, спросил испуганно, услышав, как взрослые говорили о чьей-то смерти: “Я тоже умру?” Она ответила: “Нет”. И я успокоился» [Шишкин: 210].

Взрослым же часто приходится искать опору в детерминизме, рациональном и логическом основании, например в науке. Саша, получая медицинское образование, делится своими наблюдениями: «Если бы ты только знал, что приходится принимать на веру!» [Там же: 81]. На лекциях студентам рассказы-

вают о том, «почему люди потеряли шерсть и стали голыми» [Там же: 64], или о том, «откуда взялась одежда? <...> От прямохождения» [Там же: 81]. И на вопрос «Знаешь, почему у людей материнская любовь сильнее?» тоже есть ответ: «Потому что по сравнению с обезьянкой ребенок рождается совершенно недоношенным» [Там же].

Но даже те ответы на вопросы, которые существуют в готовом виде, не могут удовлетворить запрос главных героев. Научные факты, индифферентные по отношению к внешнему миру, окрашиваются личными переживаниями, а потому продолжается поиск. Саша говорит, что всегда ненавидела «дробь, числа в каком-то квадрате, в кубе, какие-то корни. Все это такое бестелесное, непредставимое, совершенно не за что ухватиться» [Там же: 15]. «И как можно понять минус? Минус окно – это как? Оно же никуда не денется. И то, что за окном. Или минус я? Такого же не бывает» [Там же]. Герои Шишкинского романа мыслят антропоцентрично. Но в центре мироздания оказывается не отдельно взятый человек, а человеческие связи, рифмы, которые держат этот мир. В таком случае знаменитое Гамлетовское «Быть или не быть?» – это не просто вопрос, а вопрошание, заключающее в себе ответ на прямую угрозу: «Распалась связь времен». Володя знает, что без нас (т. е. без людей) время не существует [Там же: 304], и он знает, о чем на самом деле писал Шекспир – о том, что

эта связь восстановится, когда он (Володя) встретится со своей возлюбленной снова и положит ей голову на колени [Там же: 359].

Однако ситуация вопрошания выходит за рамки субъектных отношений «человек – человек». Роль отвечающего отдана в романе тому, кто человеческому вопросу «Быть или не быть?» противопоставляет утверждение «Я есмь то, что я есмь». Первая встреча Саши с тем, кто называет себя «альфа и омега», происходит накануне вести о смерти Володи. Этот и последующие эпизоды, где является чей-то голос, – аллюзия на библейский текст, открывающий традицию вопрошания как способ постижения мудрости Божьей. У Шишкина в романе не герой-человек иницирует диалог, а незримый собеседник. В эпизоде первой встречи с ним воссоздается аналогия с сюжетом о неопалимой купине: «И вот возвращаюсь обратно к велосипеду и вижу: пук ржавой колючки с меня ростом пророс лебедой. И, освещенный закатом, он начинает рдеть. Горит, как куст. И вдруг говорит: Стой!» [Там же: 101]. Беседа выстраивается на основе наводящих вопросов-загадок. Человек не должен совершать поиск ответов вовне, все заложено в нем самом. «Он» говорит Саше:

«Не нужно гадать. Ты всё уже знаешь. Посмотри, вот комар. Вот облако. Вот твои пальцы с заусенцами и шрамом у самого ногтя. <...> Вот мир видимый. А вот – закрой глаза – невидимый» [Там

же: 103]. И постепенно Саша приходит к пониманию “самой чудесной рифмы на свете”: “Мы уже муж и жена. Мы всегда ими были”» [Там же].

Однако эта встреча не может разрешить всех внутренних противоречий, Саша пока не готова смириться со смертью любимого человека. В следующий раз, когда является голос, она сопротивляется через вопросы: «Это всё, что ты можешь?», «Ты вообще что-нибудь можешь?», «Почему его нет?» [Там же: 115–116]. Вопросы такого рода демонстрируют нежелание героини продолжать поиск, поскольку она не видит смысла в жизни. Подобные формулировки предполагают, что спрашивающему не нужны ответы, он замкнут в своих границах миропонимания. Но голос инициирует движение жизни. Во второй раз «Он», «Весть и вестник» [Там же: 114], является, чтобы дать возможность Саше идти дальше – «Поворотам судьбы надо помогать» [Там же: 119].

Все эпизоды, в которых появляется «Он», окрашены легкой иронией, что выражается в соединении материально-бытового и абстрактно-ирреального и поддерживается на уровне лексики (много разговорных выражений, игра слов: «Почему? – По кочану», «пир во время насморка», [Там же: 115]) и на уровне синтаксиса (предложения в основном простые, конструкции не осложненные):

«Вас что, в школе ничему не учили? Вы не проходили разве, что есть прошедшее, настоящее

и будущее? На физике, небось, под партой тишком толстые романы читала? Все дело в свете. Все из него состоит. И еще из тепла. И тела – это сгустки света и тепла. Тела излучают тепло. Тело может потерять тепло и стать холодным, но тепло останется теплом» [Там же].

Идея о тепле и свете снова возникнет в завершении романа, где мы увидим диалог «Он и Володя»: «А, вот – не слушай Демокрита! И тела могут соприкоснуться, и нет никакого зазора между душами. А люди становятся тем, чем они всегда были, – теплом и светом» [Там же: 412–413]. Финал выявляет фигуру пишущего, в которого превращается «Он», «Весть и вестник». Но это не единственная метаморфоза: еще ранее сама Саша становится «Вестью и вестником», когда на трамвайной остановке встречает «отроковицу» [Там же: 365], которая «понесла непорочно» [Там же: 366], и убеждает ее, что выбор уже сделан: «А вот это не тебе решать, хочешь или не хочешь. Кто тебя спрашивает?» [Там же: 367].

Трансформации и перетекание образов – это не признак релятивистской картины мира, а скорее, свидетельство вопрошания как антропоцентрической категории. Однако у Михаила Шишкина антропоцентризм строится не на идее сильного человека, гения, сверхчеловека, а на идее, как ни парадоксально, человека маленького. Любая жизнь трагична, и это тоже одно из оснований вну-

тренней рифмы мироздания. Недаром Володя рассуждает о Гамлете: «А если все умрут без всяких надуманных злодейств и интриг, просто так, сами по себе, прожив жизнь – это что, уже не будет Гамлет? Да еще страшнее!» [Там же: 39].

Весть и вестник, вопрошающий и отвечающий постоянно меняются местами, человек существует не сам по себе, а в тесной связи с другими. И сам человек может быть воплощенным вопрошанием, как Гамлет, или воплощенным ответом, как отчим главного героя. Слепой отчим Володи ориентируется в окружающем пространстве гораздо лучше, чем герои зрячие; он делает этот мир своим, близким, что далеко не сразу понимает и принимает Володя.

В мотиве слепоты отражается столкновение видимого и невидимого, как в прямом, так и в переносном значении, что высвечивает метафору рифмовки жизни и смерти, бытия и небытия. Поиск этой рифмы – одна из главных целей для героев романа. Экзистенциальный вопрос «Кто я?» растворяется в онтологическом по своей значимости вопрошании «Где я (есть/буду)?» Неслучайно в «Письмовнике» есть целая глава (пусть и небольшая по объему), почти целиком состоящая из вопросов с вопросительным словом «где»:

«Сашенька!
Любимая моя!

Здесь же ничего нет.
Где дремлик? Где кислица?
Нет курослепа, нет горечавки, нет осота. Ни любистика, ни канупера.
Где крушина? А ятрышник? Где короставник?
Почему нет иван-чая?
Где толокнянка? Дрок?
А птицы? Где птицы?
Где овсянка? Где желна? Где олуша?
А пеночка? Пеночка где?» [Там же: 402].

На сюжетном уровне этот фрагмент рифмуется с воспоминаниями Володи о школьном учителе ботанике, который эмоционально обращался к ученикам с вопросами об исчезающих и уже исчезнувших видах растений или птиц: «Где теневой безвременник? Где рыхлая осока? Где кальдезия? А летний белоцветник? А василек Дубянского? Что молчите? А птицы! Где птицы? Где черный орлан? Где ястреб-бородач? Где каравайка? Я вас спрашиваю! <...> Где тювик?» [Там же: 42–43].

Подобные вопросы создают описание пространства по принципу минус-приема, когда действительность (или то, что мы за нее принимаем) описывается не через наличное, а через отсутствующее. Пожалуй, это единственно доступная человеку форма описания небытия. Но вопрос, фиксирующий отсутствие, сам проявляется в знаковом обозначении – слове. Так, слово становится способом уловить связь зримого и незримого, хотя бы отдаленно.

Заключение

Вопросы и вопрошание – значимый элемент не только романа «Письмовник», но и других произведений Михаила Шишкина, во многих из которых ключевыми становятся образы следователей, писцов, переводчиков. Это персонажи, априори включенные в вопросно-ответную коммуникацию. При этом сами вопросы в большей степени отвечают не формообразующим функциям, а функциям познавательным.

Об этом напрямую говорит сам писатель в одном из своих интервью:

«Конечно же, я пишу не романы, а один текст, в котором я пытаюсь ответить на одни и те же вопросы. Вопросы остаются, и я это ощущаю всегда. Вспоминаю, как в детстве на даче в Удельной мы шли с бабушкой и увидели на дороге мертвую раздавленную кошку. Все проходили мимо. А бабушка вернулась с лопатой – закопала, похоронила. Но вот эта цепочка мыслей, которую я очень хорошо помню: неужели я умру? неужели моя бабушка умрет? моя мама умрет? мы все умрем? Потом ты всю жизнь отвечаешь на эти же вопросы: любимые люди умирают – что с этим делать? Только ответы разные, когда тебе 6, или 16, или 30, или, как мне сейчас, 49» [«Писатель должен ощутить всеисиле...»].

То, что формулирует Шишкин как писатель, в полной мере отражается в художественной ткани его произведений. Володя из «Письмовника» говорит то же самое: «Без

конца я всю жизнь задавал себе одни и те же вопросы. И вот теперь иногда кажется, что я приближаюсь – не к ответу еще, но к какому-то пониманию» [Шишкин: 111]. Вопросы остаются, так как они связаны с онтологическими основаниями мира, с самой жизнью. А вот процесс вопрошания – это процесс, инициированный человеком, его рецепцией, его поиском. Вопрошание – это интенция субъективная, внутренняя, она определяет сознание, но не объясняет устройство мира. Речь должна идти не о том, будут ли найдены ответы на все вопросы (очевидно, что нет), а о том, насколько своевременны вопросы и своевременны ответы. Он и Она, Володя и Саша, разорваны во времени с точки зрения линейной хронологии, но они оказываются в одной позиции вопрошания. И все вопросы, которые мы видим на последних страницах романа, – это уже вопросы не о том, кто я или где я, а уточнения, все ли взял с собой в последний путь герой: «Посмотри, ничего не забыли?» [Там же: 413]. Антропоцентризм мира Шишкина проявляется в любви к деталям, из которых состоит жизнь, и оказывается, что «ненужное – самое необходимое» [Там же: 411]. Вопрос «Быть или не быть?» теперь не важен. Важно то, что связь восстановилась:

– Послушай, я должна тебе что-то сказать. Там будет один человек, не удивляйся, он положит мне голову на колени.

- Почему? Он тебя любит?
 - Да.
 - Я тоже тебя люблю. Очень-очень!
- И положила мне голову на колени. [Там же: 409].

Так «маленький человек» Шишкина через вопрошания ищет близкий и понятный путь постижения небытия, тем самым превозмогая извечный страх смерти.

Литература

Абашева, М. Функция первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2017. С. 113–122.

Балашова, Л.Б. Антропоцентрическая составляющая в дискурсе вопрошания: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Бужинская, Д.С. «Стихия вопрошания» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004.

Власкин, А.П. Судьбы героев под вопросом. Магнитогорск: МаГУ, 2003.

Власкин, А.П. Взгляд и нечто в художественном мире Достоевского // Вестник МаГУ. Магнитогорск, 2002. Вып. 2. С. 7–10.

Иванов, В.В. «Вопрошание идеального образа» как поэтический принцип христосентризма у Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7 [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voproskanie-idealnogo-obrazakak-poeticheskiy-printsip-hristotsentrizma-u-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 17.04.2023).

Конюхов, А.Ф. Стихия вопрошания в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2007.

Нефагина, Г. «Всё дело в рифмах»: симметрия в романе Михаила Шишкина *Письмовник* // Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2017. С. 203–214.

«Писатель должен ощутить всеисилие» / Шишкин М. Интервью Сергею Иванову. «КонтрактыUA», 04.08.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20101114115848/http://www.kontrakty.ua/proekty/rejtingi/19431-mixail-shishkin-lpisatel-dolzhen-oshhutit-vsiesilier> (дата обращения: 17.04.2023).

Плеханова, И.И. Вопросы и вопрошание в лирической рефлексии. М.: ФЛИНТА, 2020.

Розин, В.М. К построению теории вопрошания // Педагогика и просвещение. 2018. № 2. С. 78–89 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26172 (дата обращения: 17.04.2023).

Шишкин, М.П. Письмовник. М.: АСТ: Астрель, 2010.

References

Abasheva, M. (2017). Funktsiya pervichnykh rechevykh zhanrov v proze Mikhaila Shishkina [The function of primary speech genres in Mikhail Shishkin's Prose]. In A. Skotnitska, & Ya. Svezhiy (Eds.), *Znakovyye imena sovremennoy russkoy literatury. Mikhail Shishkin* [Iconic names of modern Russian literature. Mikhail Shishkin]. Krakov: Scriptum, 113–122.

Balashova, L.B. (2006). *Antropotsentricheskaya sostavlyayushchaya v diskurse voprosaniya* [The anthropocentric component in the discourse of questioning] (PhD thesis, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala).

Buzhinskaya, D.S. (2004). “Stikhiya voprosaniya” v romane L.N. Tolstogo “Voyna i mir” [“The element of questioning” in L.N. Tolstoy's novel “War and peace”] (Abstract of the PhD thesis, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk).

Ivanov, V.V. (2005). “Voprosaniye ideal'nogo obraza” kak poeticheskiy printsip khristotsentrizma u F.M. Dostoyevskogo [“Questioning the ideal image” as a poetic principle of F.M. Dostoevsky's Christocentrism]. *Problemy Istoricheskoy Poetiki* [Problems of Historical Poetics], 7. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosanie-ideal'nogo-obraza-kak-poeticheskiy-printsip-khristotsentrizma-u-f-m-dostoyevskogo> (date of access: 17.04.2023).

Konyukhov, A.F. (2007). *Stikhiya voprosaniya v romane F.M. Dostoyevskogo “Podrostok”* [The

element of questioning in F.M. Dostoevsky's novel “The teenager”] (Abstract of the PhD thesis, Magnitogorsk State University, Magnitogorsk).

Nefagina, G. (2017). “V'so delo v rifmakh”: simmetriya v romane Mikhaila Shishkina Pis'movnik [“It's all about rhymes”: symmetry in Mikhail Shishkin's novel ‘Letter book’]. In A. Skotnitska, & Ya. Svezhiy (Eds.), *Znakovyye imena sovremennoy russkoy literatury. Mikhail Shishkin* [Iconic names of modern Russian literature. Mikhail Shishkin]. Krakov: Scriptum, 203–214.

Plekhanova, I.I. (2020). *Voprosy i voprosaniye v liricheskoy refleksii* [Questions and questioning in lyrical reflection]. Moscow: FLINTA.

Rozin, V.M. (2018). K postroyeniyu teorii voprosaniya [Towards the construction of the theory of questioning]. *Pedagogika i Prosveshcheniye* [Pedagogy and Education], 2, 78–89. Retrieved from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26172 (date of access: 17.04.2023).

Shishkin, M. (2010, August 4). “Pisatel' dolzhen oshchutit' vsesiliye”. Interv'yu Sergeyu Ivanovu [“A writer must feel omnipotence”. Interview to Sergey Ivanov]. *KontraktyUA*. Retrieved from: <https://web.archive.org/web/20101114115848/http://www.kontrakty.ua/proekty/rejtingi/19431-mixail-shishkin-lpisatel-dolzhen-oshhutit-vsesilier> (date of access: 17.04.2023).

Shishkin, M.P. (2010). *Pis'movnik*. [Letter book]. Moscow: AST: Astrel'.

Vlaskin, A.P. (2002). Vzglyad i nechto v khudozhestvennom mire Dostoyevskogo [A look and something in Dostoevsky's art world]. *Vestnik Magnitogorskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Herald of Magnitogorsk State University], 2, 7–10.

Vlaskin, A.P. (2003). *Sud'by geroyev pod voprosom* [The fates of the heroes are in question]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.

Для цитирования: Брюханова, Ю.М. Человек вопрошающий в романе Михаила Шишкина «Письмовник» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 3. С. 123–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-123-136

For citation: Bryukhanova, Yu.M. (2023). The questioning man in the novel “Letter book” of Mikhail Shishkin. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (3), 123–136. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-3-123-136

THE QUESTIONING MAN IN THE NOVEL “LETTER BOOK” OF MIKHAIL SHISHKIN

Yulia M. Bryukhanova, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Modern Literature, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: okt28@yandex.ru

Abstract. The image of a person who is in a cognitive search and expresses himself in questions and questioning, often finds himself in the center of the writer’s attention. However, a system of theoretical principles for analyzing the phenomenon of questioning has not yet been developed in literary studies. Some works of this kind focus on linguistic or philosophical research. The object of study in this article is Mikhail Shishkin’s novel “Letter Book”, which allows us to demonstrate the methodological principles of revealing the image of the asking man. Based on I.I. Plekhanova’s monograph “Questions and Questioning in lyrical reflection”, we transfer the main methodological stages to the prose text: 1) we distinguish the question as a modality of utterance and questioning as a spiritual intention, 2) we define the functions of questions and questioning, 3) we characterize subject-subject connections in the process of questioning communication. In the novel, questions are actualized in the cognitive function of unsolvable questions, and the search and assertion of meaning is realized differently depending on the subject-subject relations, which are presented in the “Letter Book” not in a realistically deterministic form. The positions of the communicants (the questioner and the responder) are constantly changing or combining. As a result, the “questioning process” goes beyond the framework of a communicative strategy and transforms into a reflexive search for oneself. The step-by-step analysis gives grounds to speak about a special kind of anthropocentric model of the world in M. Shishkin’s novel, when the central significant element turns out to be a “little man” who, through questioning, does not reveal the secrets of being for the sake of epistemological completeness of existence, but seeks a close and understandable way of comprehending non-existence, thereby overcoming the eternal fear of death.

Key words: Mikhail Shishkin, question, questioning, human image, subject of questioning, cognitive function of the question

